

В.П. Данилов,
доктор исторических наук.
Интерцентр

Реплика к услышанному на нашей встрече

Решившись высказаться по поводу ряда концепционных и конкретно-исторических высказываний, прозвучавших на нашей встрече, я ни в коем случае не претендую на подведение итогов проведенной работы в целом, на некое обобщение докладов по теме "XX век в истории России". Но все же мне хотелось бы отметить ряд новых и важных наблюдений и выводов, сделанных участниками сегодняшней встречи, как впрочем, и некоторые утверждения, требующие, на мой взгляд, возражения. В докладе Т.Шанина ярко обрисовано действительное место России во всемирно-историческом процессе начала XX в., а также

¹ См.: например: *Левин М.* Режимы и исторические процессы в России XX в. // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / Под общ ред. Т.И.Заславской. М., 1996. С. 4—11, и др.

направление и характер ее движения в конце века. Данное в докладе определение России как развивающейся страны начала века мне представляется более близким к реальности, нежели, например, довольно распространенная в литературе 20—30-х годов оценка ее положения в мире как полукOLONиального (в те времена не было особого понятия "развивающейся страны", не включающее развитые страны, хотя они развиваются несравнимо успешнее "развивающихся"). Я принимаю и общий вывод о современной России как развивающейся стране в том специфическом понимании, в каком этот термин используется в наше время.

Возникает все же вопрос: что же представляла собой Россия между началом и концом века? — В годы нашей "перестройки" в Англии под редакцией проф. Т.Шанина издавалась серия книг советских авторов — экономистов, социологов и историков под общим названием "The Second World". Советский Союз, Россия были тогда центром этого — "второго мира". И его судьбы в целом, и судьбы советского общества, которое пыталось создать "второй мир", а ныне погибает под его обломками, заслуживают особого внимания исследователей. Следует согласиться с В.М.Межуевым в том, что именно "при большевиках" Россия в наибольшей мере сблизилась с Западом, стала "в один ряд с промышленно развитыми странами".. В этом я вижу важное подтверждение необходимости более широкого включения в программу нашего симпозиума основных проблем истории советского общества. Чтобы получить более точный ответ на вопрос: "Куда идет Россия?", нужно знать, "откуда началось это движение".

Мы с интересом слушали доклад В.В.Шелохаева "Модернизация как теоретико-методологическая проблема" и, думаю, все согласны с исходным тезисом доклада, гласящим, что "исследователь вправе выбрать любой из существующих подходов либо сам разрабатывать собственную концепцию" исторического развития. Но все же пока еще ни "на Западе", ни "на Востоке" не предложено нового понимания истории. Отбрасывая в прошлое и формационный, и цивилизационный подходы, обществоведы не выработали нового исторического понимания. До сих пор основным направлением историософской мысли остается синтез названных выше подходов, естественно, в существенно модернизированном виде. Модные же сейчас в историографии школы "микроистории" ("повседневность", "локализм" и др.) существенно дополняют, но ни в коей мере не заменяют "макроисторию" с необходимой для нее общеисторической концепцией. Нет, например, никаких оснований для утверждения о том, что и формационный, и цивилизационный подходы неприменимы "в прямой форме (?) при изучении внеевропейских цивилизаций". Все перечисленные докладчиком требования вполне учитываются и при формационно-цивилизационном подходе.

Концепция модернизации, применяемая В.В.Шелохаевым "для изучения переходных периодов истории", конкретно — для перехода от традиционного общества к индустриальному, не заменяет общеисторической концепции. В действительности, как это неплохо показано в марксистской социологии, эта концепция является составной частью общеисторической теории, позволяющей выявить конкретный механизм исторического движения, конкретные формы перехода общества на более высокую ступень развития. Однако она не вскрывает глубинных причин процесса общественного развития, его движущих сил. Само собой разумеется, что на разных стадиях общественного развития содержание процессов модернизации оказывалось слишком различным и, соответственно, требующим выяснения специфики конкретного вида модернизации.

Переход от традиционного общества к индустриальному включал первоначальное накопление капитала, пролетаризацию широких слоев населения, передел мира и т.п. Модернизация, связанная с переходом в постиндустриальное общество, также порождает немало социальных и политических проблем, в том числе связанных с выбрасыванием значительной части населения из жизни (проблема пресловутого "золотого миллиарда" и др.)¹. Учитывая все сказанное, я считаю приемлемыми концепции модернизации при изучении определенных тенденций в историческом процессе, особенно значительных в переходные периоды, но не могу принять их как "исследовательский метод" изучения исторического процесса в целом.

На мой взгляд, концепцию модернизации неправомерно сопоставлять с теорией общественных формаций или теорией цивилизаций. В данном случае речь идет о разных уровнях осмысления исторического процесса, о разнопорядковых логических категориях.

Для постсоветской историографии характерны попытки найти "золотой ключик" к раскрытию секрета истории России, заведомо объявляемой неправильной, ненормальной. В качестве такого ключика, вскрывающего особенность российского исторического процесса, чаще всего предлагается либо приверженность к православному христианству², либо, как выразился один из выступавших, — "авторитет власти как одна из основополагающих традиций в России". Первый из названных ключиков не срабатывает, поскольку основная масса населения была крестьянской, отличавшейся очень своеобразной и умеренной религиозностью ("Гром не грянет, мужик не перекрестится"...). В отношении религиозности русский мужик не отличался от мужика

¹ Мы уже касались проблем, связанных с современной "модернизацией" на симпозиуме в 1997 г. (См Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М., 1997. С.7—16, 26—31 и др.

² См.: Касвинова К. О русском национальном характере. М. 1994; Regsdale H. Russian Tragedy. The Burden of History. Armenb; N.Y.,L., 1996; и др.

французского, германского и др. Что же касается "авторитета власти", то в России, возможно больше, чем где-либо в другом месте, он базировался на прямом насилии. Формулу российской власти с предельной точностью выразил А.К.Толстой: "...У меня есть палка, // И я вам всем отец". Не случайно, для русской ментальности характерна отчужденность от власти, особенно от участия в ней.

Меня не слишком удивляет нынешнее увлечение "Вехами" — осуждение революции, оправдание самодержавия, исполняющиеся пророчества распада России вполне отвечают духу нашего времени. Однако историкам, имеющим все же более или менее конкретное представление о реалиях начала XX в., достаточно было бы привести одно высказывание из сборника 1909 г., чтобы определить место веховской идеологии в общественном сознании того времени: "Между нами и нашим народом — рознь. ...Нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной" (М.О.Гершензон)¹.

Революцию делали "низы", никогда не слышавшие ни о "Вехах", ни о веховцах. И какими бы глубокими не казались сейчас те или иные мысли и предчувствия, реальное значение выступления веховцев было весьма малым. Игнорирование "низов" и властью, и интеллектом в равной мере означало игнорирование действительности, прежде всего общественных потребностей. Революции, подобные происходившей в России начала XX в., порождаются отнюдь не революционерами Народные массы в движение приходят в ответ на порядки и действия тех, против кого направлена революция. Признания этого порой срывались и с пера отдельных авторов сборника "Вехи". Так, П.Б.Струве упоминает о "народных массах", вложившихся в революцию "своими социальными страданиями и стихийно выраставшими из них социальными требованиями"². К сожалению, до осмысления места интеллигенции в развертывавшейся народной революции веховцы подняться не смогли.

В связи с этим не могу не возразить против предложения В.В.Журавлева отказаться от использования в истории России термина "освободительное движение", поскольку это "наталкивает одну часть социума на "освобождение" от его другой части". Признаюсь, я потрясен подобной инициативой маститого историка, замятовавшего вдруг, что движущей силой исторического развития России, включая и социальный прогресс и модернизацию, было именно *освободительное движение, направленное против крепостничества*. Освобождение крестьян — основной массы населе-

¹ Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 92.

² См.: Вехи. С. 144—145.

ния страны от господства крепостников-помещиков, борьба против архаических социально-политических институтов, на которые это господство опиралось, заняли целую историческую эпоху.

Приходится напомнить основные вехи освободительного движения в России:

это реформа 1861 г. с отрезками крестьянских земель в пользу помещиков, с сохранением "временнообязанного состояния" (т.е. на три четверти крепостнического) до начала выплаты крестьянами выкупа за "освобождение", — реформа, проведенная, по авторитетному свидетельству "царя-освободителя" Александра II, под давлением антикрепостнического движения;

отмена в 1881 г. "временнообязанного состояния" и введение выкупных платежей крестьянами помещикам в обязательном порядке на 49 лет (с 1883 г. по 1932 г.), означавшие сохранение полукрепостнического режима;

отмена в августе 1904 г. телесных наказаний крестьян (по суду, но не полицией) после революционного взрыва в деревне в 1902 г., положившего начало мощному подъему освободительного движения крестьянства;

прямым результатом крестьянской революции 1905—1907 гг. явилось прекращение взимания выкупных платежей за "освобождение" с 1907 г., но с сохранением выплаты недоимок по прежним платежам, а также столыпинская аграрная реформа;

и, наконец, отмена только в 1917 г. административной (без суда) высылки крестьян.

За недостатком места называю лишь основные вехи на пути ликвидации крепостничества и полукрепостничества в России — все они были результатом именно освободительного движения и только *его*. Ни одна из перечисленных выше мер не была принята по инициативе "другой части социума", т.е. помещиков. Ни самодержавие, ни дворянство как целое (класс, сословие) не проявили себя на поприще "изыскания оптимальных путей социального прогресса в целом". Отказ от понятия "освободительное движение" равносителен отказу от исследования главного позитивного фактора в развитии русского общества по крайней мере со времен Радищева и Пушкина. При этом отбрасывается не только советская историография, но и важнейшие направления русской историографии пореформенного времени.

Заканчивая свою реплику, отмечу, что я не исчерпал, конечно, ни своего согласия (в том числе со многим в докладе В.В.Журавлева), ни своего несогласия с теми или иными высказываниями выступавших. Подчеркну главное — сделанные на нашей встрече и публикуемые в материалах симпозиума доклады и выступления отражают современные взгляды на историю России в XX в., а это само по себе послужит импульсом дальнейшего развития исторической мысли.